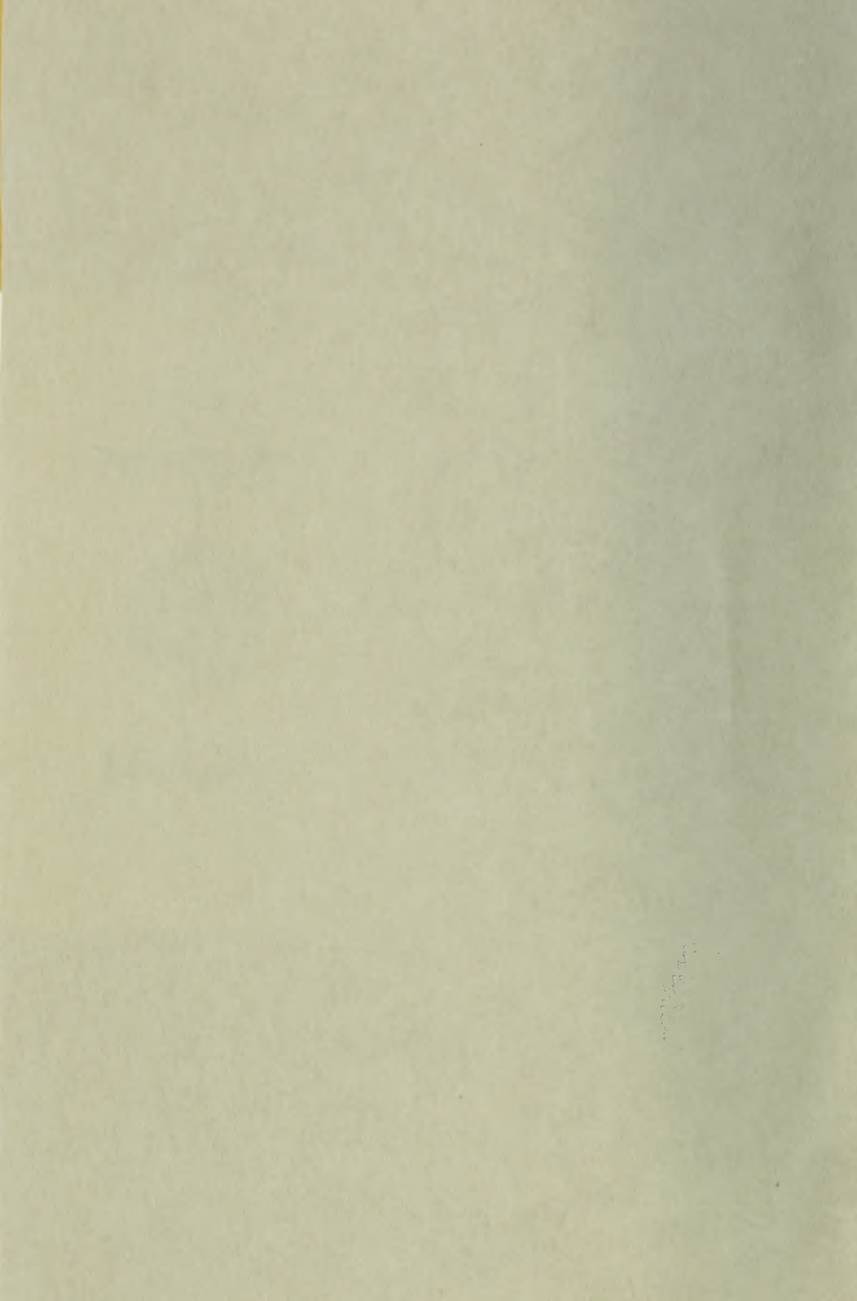
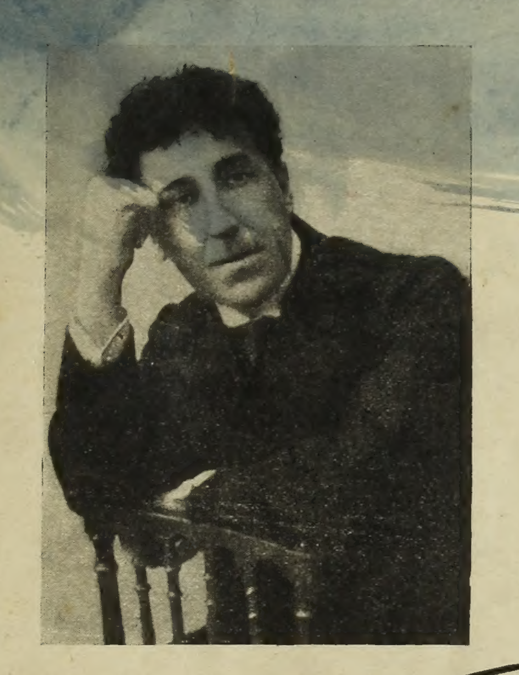
Almanakh poezokontsevt

КОРОЛЬ ПОЭТОВЪ

ИГОРЬ СѢВЕРЯНИНЪ

Игорь-Северянин

ПОЭЗОКОНЦЕРТЪ

1918 г.

ИЗБРАННЫЯ ПОЭЗЫ
ДЛЯ ПУБЛИЧНАГО
ЧТЕНІЯ.

АЛЬМАНАХЪ ПОЭЗОКОНЦЕРТЪ

1. ИГОРЯ СѢВЕРЯНИНА
2. МАРІИ КЛАРКЪ
3. ПЕТРА ЛАРІОНОВА
4. ЛЬВА НИКУЛИНА
5. ЕЛИЗАВЕТЫ ПАНАІОТТИ
6. КИРИЛЛА ХАЛАФОВА.

Набрано и напечатано въ типографіи
„КРЕСТНАГО КАЛЕНДАРЯ А. ГАТЦУКА“.
Москва, Долгоруковская ули а, д. 33.

Игорь Сѣверянинъ.

ПОЭЗОКОНЦЕРТЪ.

„Гдѣ свой алтарь воздвигли боги,
Не мѣсто призракамъ земли"!
Мирра Лохвицкая.

Въ Академіи Поэзіи—въ озерзамкѣ бѣломраморномъ
Ежегодно мая перваго фіолетовый концертъ,
Посвященный вешнимъ сумеркамъ, посвященный
дѣвамъ траурнымъ...
Тутъ газэллы и рапсодіи, тутъ—и глина, и мольбертъ.

Офіалченъ и олиліенъ озерзамокъ Мирры Лохвицкой.
Лиловѣютъ разнотонами станы тонкихъ поэтессъ.
Не доносятся по озеру шумы города и вздохъ людской,
Оттого, что груди женскія — тутъ не груди, а... «дюшессъ...»

Наполняется поэтами безбородыми, безусыми,
Музыкально говорящими и поющими Любовь.
Золотъ гордый замокъ строфами, золотъ дѣвушками русыми,
Золотъ юнымъ вдохновеніемъ и отсутствіемъ рабовъ!

Гости ходятъ кулуарами, возлежатъ на софномъ бархатѣ,
Пьютъ вино, вдыхаютъ лиліи, цѣпятъ звенья пахитосъ...
Проклинайте, люди трезвые! Громче, злѣй, воро́ны, каркайте! —
Я, какъ ректоръ Академіи, пью за озерзамокъ тостъ!

ЭТО БЫЛО У МОРЯ.

Поэма-миньонетъ.

Это было у моря, гдѣ ажурная пѣна,
Гдѣ встрѣчается рѣдко городской экипажъ...
Королева играла—въ башнѣ замка—Шопена,
И, внимая Шопену, полюбилъ ее пажъ.

Было все очень просто, было все очень мило:
Королева просила перерѣзать гранатъ;
И дала половину, и пажа истомила,
И пажа полюбила, вся въ мотивахъ сонатъ.

А потомъ отдавалась, отдавалась грозово,
До восхода рабыней проспала госпожа ..
Это было у моря, гдѣ волна бирюзова,
Гдѣ ажурная пѣна и соната пажа.

ВЕСЕННІЙ ДЕНЬ.

Дорогому К. М. Фофанову.

Весенній день горячъ и золотъ,—
Весь городъ солнцемъ ослѣпленъ!
Я снова — я: я снова молодъ!
Я снова веселъ и влюбленъ!

Душа поетъ и рвется въ поле,
Я всѣхъ чужихъ зову на „ты“...
Какой просторъ! какая воля!
Какіе пѣсни и цвѣты!

Скорѣй бы — въ бричкѣ по ухабамъ!
Скорѣй бы — въ юные луга!
Смотрѣть въ лицо румянымъ бабамъ.
Какъ друга, цѣловать врага!

Шумите, вешнія дубравы!
Расти, трава! цвѣти, сирень!
Виновныхъ нѣтъ: всѣ люди правы
Въ такой благословенный день!

1911

ПОЭЗА СТРАННОСТЕЙ ЖИЗНИ.

А. Д. Барановой.

Встрѣчаются, чтобъ разлучаться...
Влюбляются, чтобъ разлюбить...
Мнѣ хочется расхохотаться
И разрыдаться—и не жить!

Клянутся, чтобъ нарушить клятвы...
Мечтаютъ, чтобъ клянуть мечты...
О, скорбь тому, кому понятны
Всѣ наслажденія Тщеты!..

Въ деревнѣ хочется столицы...
Въ столицѣ хочется глуши...
И всюду человѣчьи лица
Безъ человѣческой души...

Какъ часто красота уродна,
И есть въ уродствѣ красота...
Какъ часто низость благородна,
И злы невинныя уста...

Такъ какъ же не расхохотаться,
Не разрыдаться, какъ же жить,
Когда возможно разставаться,
Когда возможно разлюбить?!.

Москва
Февраль, 1916 г.

ФІАЛКА.

Морозову-Гоголю

Снѣжѣетъ дружно, снѣжѣетъ нѣжно,
Надъ ручейками хрусталитъ хрупь.
Куда ни взглянешь—повсюду снѣжно,
И сердце хочетъ въ лѣсную глубь.

Мнѣ больно—больно... Мнѣ жалко—жалко...
Зачѣмъ мнѣ больно? Чего мнѣ жаль?
Ахъ, я не знаю, ахъ, я—фіалка,
Такъ тихо—тихо ушла я въ шаль.

О ты, чье сердце крылитъ къ раздолью,
Ты, тріумфаторъ, ты, властелинъ!
Приди, любуйся моей фіолью—
Моей печалью въ снѣгахъ долинъ.

О ты, чьи мысли всегда крылаты,
Всегда побѣдны, внемли, о ты:
Возьми въ ладони меня, какъ въ латы,
Моей фіолью святя мечты!..

ТРИНАДЦАТАЯ.

Новелла

У меня дворецъ двѣнадцатиэтажный,
У меня принцесса въ каждомъ этажѣ.
Подглядѣлъ-подслушалъ какъ-то вихрь протяжный,
И объ этомъ знаетъ цѣлый свѣтъ уже.

Знаетъ,—и прекрасно! сердцемъ не плутую!
Всѣхъ люблю, двѣнадцать,—хоть на эшафотъ!
Я настрою арфу, арфу золотую,
Ничего не скрою, все скажу... Такъ вотъ:

Всѣ мои принцессы—любящія жены,
Я, ихъ повелитель, любящій ихъ мужъ.
Знойнымъ поцѣлуемъ груди ихъ прожжены,
И въ каскады слиты ручейки ихъ душъ.

Каждая другъ друга дополняетъ тонко,
Каждая прекрасна, въ каждой есть свое:
Та груститъ беззвучно, та хохочетъ звонко,—
Радуется сердце любое мое!

Поровну люблю я каждую принцессу,
Царски награждаю каждую собой...
День и ночь хожу по лѣстницѣ, завѣсу
Очередной спальни дергая рукой...

День и ночь хожу я, день и ночь не сплю я,
Въ упоеньи мигомъ некогда тужить.
Жизнь—отъ поцѣлуя, жизнь—до поцѣлуя,
Вѣчное забвенье не даетъ мнѣ... жить.

Но бываютъ ночи: заберусь я въ башню,
Заберусь одинъ въ тринадцатый этажъ,
И смотрю на море, и смотрю на пашню,
И чаруетъ греза все одна и та-жъ:

Хорошо бы въ этой комнатѣ стеклянной
Пить златистогрезый черный виноградъ
Съ вѣчно-безымянной, странно такъ желанной,
Той, кого не знаю и узнать не радъ.

Скалы молятъ звѣзды, звѣзды молятъ скалы,
Смутно понимаю тайну скалъ и звѣздъ,—
Наполняю сокомъ и душой бокалы
И провозглашаю безотвѣтный тостъ!..

РУССКАЯ.

Кружевѣетъ, розовѣетъ утромъ лѣсъ,
Паучекъ по паутинкѣ вверхъ полѣзъ.
Бриллiантится веселая роса;
Что за воздухъ! что за свѣтъ! что за краса!
Хорошо гулять утрами по овсу.
Видѣть птичку, лягушенка и осу,
Слушать соннаго горлана-пѣтуха,
Обмѣняться съ дальнимъ эхо: „ха-ха-ха!"
Ахъ, люблю безцѣльно утромъ покричать,
Ахъ, люблю въ березахъ дѣвку повстрѣчать,
Повстрѣчать и, опираясь на плетень,
Гнать съ лица ея предутреннюю тѣнь,
Пробудить ея невыспавшiйся сонъ,
Ей повѣдать, какъ въ мечтахъ я вознесенъ,
Обхватить ея трепещущую грудь,
Растолкать ее для жизни какъ-нибудь!

АНАНАСЫ ВЪ ШАМПАНСКОМЪ.

Ананасы въ шампанскомъ! ананасы въ шампанскомъ!
Удивительно вкусно, искристо и остро.
Весь я въ чемъ то норвежскомъ! весь я въ чемъ
то испанскомъ!
Вдохновляюсь порывно и берусь за перо.

Стрекотъ аэроплановъ, бѣги автомобилей,
Вѣтропросвистъ экпрессовъ, крылолетъ буэровъ.
Кто то здѣсь зацѣлованъ, тамъ кого-то побили...
Ананасы въ шампанскомъ, это—пульсъ вечеровъ.

Въ группѣ дѣвушекъ нервныхъ, въ остромъ
обществѣ дамскомъ
Я трагедію жизни претворю въ грезофарсъ.
Ананасы въ шампанскомъ! ананасы въ шампанскомъ!
Изъ Москвы въ Нагасаки! изъ Нью-Іорка
на Марсъ!

ВОСТОРЖЕННАЯ ПОЭЗА.

Восторгаюсь тобой, молодежь!
Ты всегда — даже стоя! — идешь.
Но идешь постоянно впередъ,
Гдѣ тебя что-то многое ждетъ!
Не желаю я думать о томъ,
Что съ тобою случится потомъ,
Что, спустя много весенъ и зимъ,
Будетъ твой крылолетъ отразимъ.
Но пока молодежь молода,
Не погаснетъ на небѣ звѣзда,
Не утопится солнце въ водѣ,—
Да весянятся всѣ и вездѣ!
И смотрю я въ сплошные глаза:
Въ нихъ потопъ, а въ потопѣ — гроза,
А въ грозѣ зацвѣли васильки!..
Оттого я, не зная тоски,
Такъ спою, что и ты запоешь,
Овосторженная молодежь!
Такъ грозово возгряну „ура!"
Что умретъ безвоскресно вчера,
И вонзаю я въ завтра копье,
Прославляя „сегодня" твоё!

КАЧАЛКА ГРЕЗЭРКИ.

Л. Д. Рындиной.

Какъ мечтать хорошо Вамъ
Въ гамакѣ камышовомъ
Надъ мистическимъ окомъ — надъ безтинным прудомъ!

Какъ мечты — сюрпризэрки
Надъ качалкой грёзэрки
Истомленно лунятся: то — Верлэнъ, то — Прюдомъ!

Что за чудо и диво! —
То Вы — лэди Годива,
Черезъ мигъ — Іоланта, черезъ мигъ Вы — Сафо...

Стоитъ Вамъ повертѣться,—
И загрезится сердце:
Все на свѣтѣ возможно, все для Васъ ничего!

Покачнетесь Вы влѣво,—
Королевъ Королева,
Властелинша планеты голубыхъ антилопъ,
Гдѣ, отъ вздоховъ левкоя,
Упоенье такое,
Что загрезитъ порфирой заурядный холопъ!

Покачнетесь Вы вправо,—
Улыбнется Вамъ слава,
И дохнетъ Ваше имя, какъ цвѣты райскихъ клумбъ;
Прогремитъ Ваше имя,
И въ омолненномъ дымѣ
Вы сойдете на Землю,—мірозданья Колумбъ!

А качнетесь Вы къ выси,
Гдѣ мигающій бисеръ,
Вы постигнете тайну: вѣчной жизни процессъ.
И мечты — сюрпризэрки
Надъ качалкой грезэрки
Воплотятся въ капризный, но безсмертный эксцессъ!

ТІАНА.

Тіана, какъ странно! какъ странно, Тіана!
Былое уплыло, былое ушло...
Я плавалъ морями, садился въ сѣдло,
Бродилъ пилигримомъ въ опалахъ тумана.

Тіана, какъ скучно! какъ скучно, Тіана!
Мадлэна — какъ эхо... Мадлэна — какъ сонъ...
Я больше уже ни въ кого не влюбленъ,—
Влюбляются сердцемъ, но — какъ если рана?

Тіана, какъ жутко! какъ жутко, Тіана!
Я пилъ и выплескивалъ тысячи душъ—
И дѣвьихъ, и женскихъ,—все то-же! къ тому жъ,
Кудеснѣй всѣхъ женщинъ—ликеръ изъ банана!..

Тіана, какъ дико! мнѣ дико, Тіана,
Вложить вамъ билеты въ лиловый конвертъ
И ждать на помпэзный поэзоконцертъ:
Вѣдь прежде такъ просто — луна и поляна.

И вдругъ Вы, снѣгурка, нимфея, ліана,
Вернули мнѣ снова всѣ миги тѣхъ лѣтъ,
Когда я былъ робкій, безвѣстный поэтъ,
О славѣ мечтавшій, безъ славы дурмана...
Тіана, какъ больно! мнѣ больно, Тіана!..

ЕЯ МОНОЛОГЪ.

Не можетъ быть, вы лжете мнѣ, мечты!
Ты не сумѣлъ забыть меня въ разлукѣ...
Я вспомнила, когда, въ приливѣ муки,
Ты письма сжечь хотѣлъ мои... сжечь!.. ты!..

Я знаю, жгутъ безцѣнные дары:
Жжетъ молнія надменныя вершины,
Поэтъ—изъ перловъ бурные костры,
И фабрикантъ—дубравы для машины;

Безчувственные люди жгутъ сердца,
Забывшія для нихъ про все на свѣтѣ;
Разбойникъ жжетъ святилище дворца,
Гордящагося пиршествомъ столѣтій;

И геніи сжигаютъ мощь свою
На алкоголѣ—символѣ безсилья...
Но письма сжечь,—гдѣ я тебѣ пою
Свою любовь! гдѣ распускаю крылья!

Ихъ сжечь нельзя—какъ вѣчной красоты!
Ихъ сжечь нельзя—какъ солнечнаго неба!
Въ нихъ отзвуки Эдема и Эреба...
Не можетъ быть! вы лжете мнѣ, мечты!

Мыза „Ивановка".
1909 г.

— МОРОЖЕНОЕ ИЗЪ СИРЕНИ.

—Мороженое изъ сирени! Мороженое изъ сирени!
Полпорціи десять копеекъ, четыре копейки буше.
Сударыни, судари, надо ль?—не дорого—можно
безъ преній...
Поэшь деликатнаго, площадь: придется товаръ по
душѣ!

Я сливочнаго не имѣю, фисташковое все распро-
далъ...
Ахъ, граждане, да неужели вы требуете крэмъ-
брюле?
Пора популярить изыски, утончиться вкусамъ
народа,
На улицу специи кухонь, огимнивъ эксцессъ въ
вирэле!

Сирень—сладострастья эмблема. Въ лилово-изнѣ-
женномъ крепѣ
Зальдись, водопадное сердце, въ душистый и слад-
кій пушокъ...
Мороженое изъ сирени! Мороженое изъ сирени!
Эй, мальчикъ со сбитнемъ, попробуй! Ей Богу,
похвалишь, дружокъ!

ВЪ ГРѢХѢ—ЗАБВЕНЬЕ.

Ты — женщина и этимъ ты права.

Валерій Брюсовъ.

Вся радость—въ прошломъ, въ такомъ далекомъ
и безвозвратномъ,
А въ настоящемъ—благополучье и безнадежность.
Устало сердце и смутно жаждетъ, въ огнѣ
закатномъ,
Любви и страсти;—его плѣняетъ неосторожность...

Устало сердце отъ узкихъ рамокъ благополучья,
Оно въ уныньи, оно въ оковахъ, оно въ томленьи...
Отчаясь грезить, отчаясь вѣрить, въ нѣмомъ
безлучьи,
Оно трепещетъ такою скорбью, все въ гипсѣ
лѣни...

А жизнь чаруетъ и соблазняетъ, и перемѣной
Всего уклада семейныхъ будней влечетъ куда-то!
Въ смущеньи сердце: оно боится своей измѣной
Благополучье свое нарушить въ часы заката.

Ему подвластны и вѣрность другу, и материнство,
Оно боится оставить близкихъ, какъ жалкихъ
сиротъ...
Но одиноко его біенье, и нѣтъ единства...
А жизнь проходитъ, и склепъ холодный, быть
можетъ, вырытъ...

О, сердце! сердце! твое спасенье — въ твоемъ
безумьи!
Горѣть и биться пока ты можешь, — гори и бейся!
Грѣши отважнѣй! — пусть добродѣтель — удѣломъ
мумій:
Въ грѣхѣ забвенье! а тамъ — хоть пуля, а тамъ —
хоть рельсы!

Вѣдь ты любимо, больное сердце! вѣдь ты любимо!
Люби отвѣтно! люби привѣтно! люби бездумно!
И будь спокойно: живя, ты — право! сомнѣнья,
мимо!
Ликуй же, сердце: еще ты юно! И бейся шумно!

ПОЭЗА ОТКАЗА.

Она мнѣ прислала письмо голубое,
Письмо голубое прислала она.
И вѣютъ жасмины, и рѣютъ гобои,
И рѣютъ гобои, и льется луна.

О чемъ она пишетъ? Что въ сердцѣ колышетъ?
Что въ сердцѣ колышетъ усталомъ моемъ?
Къ себѣ призываетъ!—а больше не пишетъ,
А больше не пишетъ она ни о чемъ...

Но я не поѣду ни завтра, ни въ среду,
Ни завтра, ни въ среду отвѣтъ не пошлю.
Я ей не отвѣчу, я къ ней не поѣду,—
Она опоздала: другую люблю!

ПОЭЗА СЧАСТЬЯ.

Я не могу не радоваться маю
И не воспѣть его я не могу,
Когда тебя такъ пылко обнимаю
На благодатномъ этомъ берегу.

Который разъ все въ тотъ же, все въ зеленый,
Въ весенній шелкъ закуталась земля?
Который разъ, въ мечту свою влюбленный,
Я ухожу въ зовущія поля?

Но въ этотъ годъ—весна совсѣмъ иная,
И май иной,—все лучше, все свѣтлѣй!
Мечта сбылась: со мною ты, родная,
А потому—я только соловей!

Мнѣ все равно, въ какіе тамъ размѣры
Вольется стихъ горячій, все равно!—
Кощунственны изысковъ камамберы,
И быть банальнымъ снова мнѣ дано!..

Когда тебя я къ сердцу прижимаю,
И твоего капота тлѣетъ тюль,
Могу ли я не радоваться маю
И пережить любимую могу ль?

ВЕСЕННІЕ ТРІОЛЕТЫ.

Андрею Виноградову.

Еще весной благоухаетъ садъ,
Еще душа весенится и вѣритъ,
Что поправимы страстныя потери..
Еще весной благоухаетъ садъ...
О нѣжная сестра и милый братъ,
Мой домъ не спитъ, для васъ раскрыты двери...
Еще весной благоухаетъ садъ,
Еще душа весенится и вѣритъ...

Еще благоухаетъ садъ весной,
Еще въ глазахъ моихъ блестятъ слезинки,
Еще влекутъ въ безвѣстное тропинки,
Еще благоухаетъ садъ весной...
О жизнь моя! ты вся еще предъ мной!
Черемухъ цвѣтъ пророчитъ мнѣ снѣжинки...
Еще благоухаетъ садъ весной,
Еще въ глазахъ моихъ дрожатъ слезинки.

А я усталъ! а юность позади!
Зачѣмъ же садъ весной благоухаетъ?
Взоръ отсверкалъ, померкъ и потухаетъ,
И я усталъ, и юность позади...
О жизнь моя! ты вся еще въ груди!
Вопью тебя, и сердце воспылаетъ!
Пусть я усталъ, пусть юность позади,
Но садъ еще весной благоухаетъ!..

ДИѲИРАМБЪ.

Почему не брать отъ жизни все,
что она даетъ?

Ибсенъ.

Цвѣтовъ! огня! вина! и кастаньетъ!
Пусть блещетъ „да“! пусть онѣмѣетъ „нѣтъ“!
Пусть разсмѣется дерзновенное!
Живи, пока живешь! спѣши, спѣши
Любить, ловить мгновенное!
Пусть жизнь за счастье сдачи дастъ гроши,
Что толку въ томъ, когда все тлѣнное?
Пей! хохочи! танцуй! смѣши!

Воспламенись! всѣхъ жги и самъ гори!
Сгори! что тамъ беречь!
Рискуй! рубись! выигрывай пари!
Въ свой фаэтонъ сумѣй Моментъ запречь!
Сверкай мечомъ! орломъ пари!
Бери!..

M-ME SANS-GÊNE.

Разсказъ путешественницы.

Это было въ тропической Мексикѣ, —
Гдѣ еще не спускался бипланъ,
Гдѣ такъ вкусны пушистые персики, —
Въ бѣломъ ранчо у моста ліанъ.

Далеко-далеко, за льяносами,
Гдѣ цвѣты ядовитѣе змѣй,
Съ индіанками плоско-курносыми
Повстрѣчалась я въ жизни моей.

Я гостила у дикаго племени,
Кругозоръ былъ и ярокъ, и новъ.
Много-много ужъ этому времени!
Много-много ужъ этому сновъ!

Съ жаркой кровью, бурливѣе кратера,
Краснокожій металъ бумерангъ,
И нерѣдко отъ выстрѣла скваттера
Уносилъ его стройный мустангъ.

А бывало: пунцовыми ранами
Пачкалъ въ ранчо бамбуковый полъ...
Я кормила индѣйца бананами,
Уважать заставляла свой полъ...

Задушите меня, зацарапайте,—
Предпочтенье отдамъ дикарю,
Потому что любила на Западѣ
И за это себя не корю...

ДЕВЯТНАДЦАТИВЕШНЯЯ.

Девятнадцативешней впечатлѣнія жизни
несравненно новѣе,
Несравненно острѣе, чѣмъ готовому всрѣтить
май тридцатой весны.
Девятнадцативешней легче въ истину вѣрить,
какъ въ прекрасную фею,
Какъ бы ни были годы,— восемнадцать
минувшихъ,—тяжелы и грустны!..

И когда расцвѣтаютъ бирюзовыя розы и
душистый горошекъ,
Ей представить наивно, что они расцвѣтаютъ для
нея, для одной;
И когда вылетаютъ соловьями рулады изъ
сосѣдскихъ окошекъ,
Ей представить наивно, что поетъ кто-то.
близкій, кто-то тайно-родной...

Девятнадцативешней можетъ лѣсъ показаться
никогда нерубимымъ,
Неувядными маки, человѣчными люди, неизсячнымъ
ручей.
Девятнадцативешней можетъ сдѣлаться каждый
недостойный любимымъ:
Вѣдь его недостойность невидна, непонятна для
пресвѣтлыхъ очей...

И когда молодыя,—о, душистый горошекъ!—
о, лазурныя розы!—
Веселятся рѣзвуньи, мнѣ мучительно сладко, но
и больно за нихъ...
И когда голубыя поэтички, какъ птички, подъ
угрозами прозы
Прозрѣвать начинаютъ, я въ отчаяньи плачу
о мечтахъ голубыхъ!..

ДИССОНА.

Георгію Иванову.

Въ желтой гостиной, изъ сѣраго клена, съ обивкою шолковой,
Ваше Сіятельство любитъ по вторникамъ томный журфиксъ.
Въ дамской венгеркѣ комичнаго цвѣта, коричнево-бѣлковой,
Вы предлагаете тонкому обществу ирисный кэксъ,
Нѣгно вдыхая сигары Эрцгерцога абрисъ фіалковый...

Ваше Сiятельство къ тридцатилѣтнему—мод-
ному—возрасту
Тѣло имѣете универсальное... какъ барельефъ...
Душу душистую, тщательно скрытую въ шолко-
вомъ шелестѣ,
Очень удобную для проститутокъ и для королевъ..:
Впрочемъ, простите мнѣ, Ваше Сiятельство, алыя
шалости...

Вашимъ супругомъ, посломъ въ Арлекинiи, ярко
правительство:
Умъ и талантъ дипломата суть высшiя качества...
Но для меня, для безумца, его аристотельство,
Какъ и поэзы мои для него, лишь чудачество...
Самое-жъ лучшее въ немъ, это—Ваше Сiятельство!

VICTORIA REGIA.

Миньонетъ.

Наша встрѣча—Victoria Regia:
Рѣдко-рѣдко въ цвѣту...
До и послѣ нея—жизнь—элегія
И надежда въ Мечту...

Ты придешь,—изнываю отъ нѣги я,
Трепещу налету...
Наша встрѣча—Victoria Regia:
Рѣдко-рѣдко въ цвѣту!..

ПЛЯСКА МАЯ.

Въ могилѣ — мракъ, въ объятьяхъ рай,
Любовь — земли услада!

Ал. Будищевъ.

Вдалекѣ отъ фабрикъ, вдалекѣ отъ станцій,
Не въ лѣсу дремучемъ, но и не въ селѣ —
Старая плотина, на́ плотинѣ танцы,
Въ танцахъ поселяне, всѣ навеселѣ!

Покупаютъ парни у торговокъ дули,
Тыквенное сѣмя, каріе рожки.
Тутъ безпопья свадьба, тамъ кого-то вздули...
Шопоты да взвизги, пѣсни да смѣшки...

Точно гудъ пчелиный, гуторъ на полянкѣ:
— Любишь ли, Акуля? — „Дьяволъ, не замай"...
И, подъ звуки шустрой, удалой тальянки,
Пляшетъ на плотинѣ самъ царевичъ Май!

Разошелся браво пламенный красавецъ,—
Зашумѣли липы! зацвѣла сирень!
Вѣтерокъ цѣлуетъ въ губы всѣхъ красавицъ,
Май пошелъ въ присядку въ шапкѣ набекрень!

Но не видятъ люди молодого Мая,
Чувствуя душою близость удальца...
Весела деревня, смутно понимая,
Что царевичъ броситъ, въ пляскѣ, два кольца...

Кто подниметъ кольца, жизнь тому — забава!
Упоенье жизнью — не для мѣдныхъ лбовъ!
Слава Маю, слава! Слава Маю, слава!
Да царятъ надъ міромъ солнце и любовь!

ПОЭЗА О БЕЛЬГІИ.

Вѣрѣ Вертеръ.

Кто знаетъ?—ты явь или призракъ?
Ты будешь ли? есть ли? была ль?
Но ликъ твой прекрасный намъ близокъ,
Въ которомъ восторгъ и печаль.

Волшебница! ты—златодарна!
Твоихъ городовъ карусель,
Подъ строфы Эмиля Верхарна
Кружа, кружевѣетъ Брюссель.

Не вѣримъ—не можемъ! не смѣемъ!—
Что въ брызгахъ снарядовыхъ пѣнъ
Смертельно-ужаленный змѣемъ,
Сгорѣлъ бирюзовый Лювенъ.

И чей это шопотъ, crescendo
Сверлящій умы и сердца
О бѣгствѣ народа въ Остендэ,
Гдѣ будетъ начало конца?

О, городъ прославленныхъ устрицъ
И пепельно-палевыхъ дюнъ
И волнъ, голубѣющихъ шустрицъ,
О, городъ, трагичный канунъ!

Ужель затерялась тропинка,
Тропинка туда, подъ уклонъ,
Въ укромный пріютъ Мэтерлинка,
Дающаго сладостный сонъ?

Дождя свѣтозарныя нити
Сулятъ плодородье опять!
Помедлите, нѣжно усните,—
Не надо, не стоитъ бѣжать.

Намъ нужно дружнѣе сплотиться,
Пріявъ твой плѣнительный плѣнъ,
О Бельгія, синяя птица
Съ глазами принцессы Малэнъ!

КЭНЗЕЛЬ.

Въ шумномъ платьѣ муаровомъ, въ шумномъ
платьѣ муаровомъ
По аллеѣ олуненной Вы проходите морево...
Ваше платье изысканно, Ваша тальма лазорева,
А дорожка песочная отъ листвы разузорена—
Точно лапы паучныя, точно мѣхъ ягуаровый.

Для утонченной женщины ночь всегда новобрачная.
Упоенье любовное Вамъ судьбой предназначено...
Въ шумномъ платьѣ муаровомъ, въ шумномъ
платьѣ муаровомъ —
Вы такая эстетная, Вы такая изящная...
Но кого же въ любовники? и найдется ли пара
Вамъ?

Ножки плэдомъ закутайте дорогимъ, ягуаровымъ,
И, садясь комфортабельно въ ландолетѣ бензи-
новомъ,
Жизнь довѣрьте Вы мальчику, въ макинтошѣ
резиновомъ,
И закройте глаза ему Вашимъ платьемъ жасми-
новымъ —
Шумнымъ платьемъ муаровымъ, шумнымъ платьемъ
муаровымъ!..

ЗИЗИ.

„Постигнуть сердцемъ все возможно,
Непостижимое уму"...

К. Фофановъ

Безшумно шло моторное ландо
По „островамъ" къ зеленому „пуанту",
И взоръ Зизи, пѣвучѣе рондо,
Скользя въ лорнетъ, томилъ колѣни франту..

Хруститъ отъ шинъ заносчиво шоссе,
И воздухъ полнъ весенняго удушья.
Въ ея душѣ—осколки строфъ Мюссэ,
А на лицѣ—обидное бездушье.

Зизи, Зизи! Тебѣ себя не жаль?
Не жаль себя, бутончатой и кроткой?
Иль, можетъ быть, цѣла души скрижаль,
И лилія не можетъ быть кокоткой?

Останови моторъ! сними манто
И шелкъ бѣлья, безчестья паутину,
Разбей колье и, выйдя изъ ландо,
Смой наготой муаровую тину!

Что до того, что скажетъ Пустота
Подъ шляпками, цилиндрами и кэпи!
Что до того!—такая нагота
Великолѣпнѣй всѣхъ великолѣпій!

КЛУБЪ ДАМЪ.

Я въ комфортабельной каретѣ, на эллипсическихъ
рессорахъ,
Люблю заѣхать въ златополдень на чашку чая въ
женоклубъ,
Гдѣ вкусно сплетничаютъ дамы о свѣтскихъ дряз-
гахъ и о ссорахъ,
Гдѣ глупый вправѣ слыть не глупымъ, но умный
непремѣнно глупъ...

О, фешенебельныя темы! отъ васъ тоска моя раз-
вѣется!
Трепещутъ губы иронично, какъ земляничное
желе...
— „Индѣйцы — точно ананасы, и ананасы — какъ
индѣйцы"...
Острится креолка, вспоминая о экзотической землѣ.

Градоначальница зѣваетъ, облокотясь на піанино,
И смотритъ въ окна, гдѣ истомно бредетъ хмѣ-
лѣющій Іюль.
Вкругъ золотѣетъ паутина, какъ символъ лѣнныхъ
плѣновъ сплина,
И я, сравнивъ себя со всѣми, люблю клубъ дамъ
не потому ль?..

НЕЛЛИ.

Константину Олимпову.

Въ будуарѣ тоскующей нарумяненной Нелли,
Гдѣ подъ пудрой молитвенникъ, а на ней Поль
де-Кокъ,
Гдѣ брюссельское кружево... на платкѣ изъ фланели!—
На кушеткѣ загрезился молодой педагогъ.

Познакомился въ оперѣ, и влюбился, какъ юнкеръ.
Онъ готовъ осупружиться, онъ рѣшился на все.
Передъ нею онъ держится, точно мальчикъ, на стрункѣ,
Съ нею въ паркѣ катается и играетъ въ серсо.

Онъ читаетъ ей Шницлера, посвящаетъ въ коктэбли,
Восхваливъ авіацію, осуждаетъ Китай
И, въ ревнивомъ невѣріи, тайно мѣтитъ въ констэбли...
Нелли нехотя слушаетъ,—„лучше ты покатай".

„Философія похоти!.." Нелли думаетъ ѣдко:
„Я въ любви разувѣрилась, господинъ педагогъ...
О, когда бы на „Блеріо" помѣстилась кушетка!
Интродукція — Гауптманъ, а финалъ — Поль де-Кокъ!"

Дылицы".
1911.

СКАЗАНІЕ О ИНГРИДѢ.

I

На юго-востокъ отъ Норвегіи, въ Ботническомъ
шхерномъ заливѣ,
Былъ островъ съ особеннымъ климатомъ: на
сѣверѣ юга клочокъ.
На немъ королевство Миррэлія, всѣхъ царствъ
и республикъ счастливѣй,
Съ красавицею — королевою, любившей народъ
горячо.

2.

У Ингридъ Стэрлингъ лицо безкровно. Она—
шатенка.
Стройна. Изящна. Глаза лиловы. И скорбенъ
ротъ.
Таится въ Ингридъ подъ лѣсофеей демимондэнка.
Играетъ Ингридъ. Она поэзитъ. Она поетъ.

3.

Она прославлена, какъ поэтесса. Она прославлена,
какъ композиторъ.
Она прославлена, какъ королева. Она прославлена
всеславьемъ славъ.

Наслѣдникъ маленькій, Олегъ Полярный—и дочь
прелестная Эклерезита,
И принцемъ — регентомъ суровый викингъ, но
сердце любящее—Грозоправъ.

4.

Эрикъ Свѣтлоокій, Сѣвера король,
Любитъ Ингридъ нѣжно,
Любитъ Ингридъ тайно,
Любитъ Ингридъ вѣчно.
Эрикъ Свѣтлоокій, Сѣвера король,
Хочетъ къ ней мятежно,
Ищетъ съ ней случайной
Встрѣчи и сердечно
Пишетъ: „Королева! выслушать изволь:
Ждетъ съ тобой свиданья Сѣвера король:“

5.

Ингридъ прочла посланье, Ингридъ смѣялась
нервно,
Ингридъ кусала губы: Ингридъ любила его!
Но Грозоправъ былъ мужемъ! Но Грозоправъ
былъ первымъ,
Первымъ, невинность взявшимъ; кромѣ нея—
ничего!..

6.

И отвѣчаетъ Ингридъ Эрику, и отвѣчаетъ
Ингридъ дальнему,
Такому дальнему и милому страны полярной
королю:
„Привѣтъ влюбленному—любимому! Привѣтъ,
какъ я сама, печальному!
Привѣтъ тому, о комъ тоскую я! Привѣтъ тому,
кого люблю!“

7.

И больше ни слова. Пойми, какъ желаешь.
Пойми, какъ умѣешь. Пойми, какъ поймешь.

8.

Плыветъ эскадрилья въ столицу Сіяижъ.
О, Эрикъ! въ Миррэлію ты ли плывешь?

9.

Его корабль съ штандартомъ короля
Въ восходный часъ
Приплылъ.
И свита дѣвъ, страну ея хваля,
Поетъ: „Для насъ
Край милъ.“

10.

Выходитъ Ингридъ на южный берегъ,
При Грозоправѣ идетъ къ нему:
—Тебя встрѣчаю, пресвѣтлый Эрикъ,
Ты освѣтляешь земную тьму.

11.

Но край мой, не правда ли, свѣтелъ? но край мой, не правда ли, ясенъ?
И свѣтлаго гостя встрѣчаетъ не менѣе свѣтлый народъ.
Я знаю, что Эрикъ отваженъ. Я знаю, что Эрикъ прекрасенъ!
Я знаю, что любитъ онъ Ингридъ и смѣло къ себѣ призоветъ!

12.

Ты прости Грозоправъ: я тебя не хочу,
Свѣтлоокому Эрику рада...

13.

Потянулась рука Грозоправа къ мечу
И свершила мгновенно, что надо.

14.

Грозоправа хоронили, Грозоправа провожали,
Грозоправа называли: „Справедливый Грозоправъ.“
Въ замкѣ Ингридъ начертали въ спальнѣ новыя скрижали:
„На несчастіи другого каждый счастье строить правъ.“

15.

Это было въ счастливой Миррэліи,
Въ синей тѣни лазоревыхъ сливъ.
Златолира же оменестрелила
Сердцу Игоря сладостный миѳъ...

1915 г. май
Эст.—Тойла.

ПОЭЗА СКОРБНАГО УТѢШЕНІЯ.

Въ холодную зиму голоднаго года,
Въ разгромленной чернью странѣ,
Гдѣ злымъ Произволомъ забита Свобода,
Ночами, въ безсонницу, мнѣ
Мучительно думать о горѣ народа,
О жуткомъ,—о близкомъ къ намъ,—днѣ.

И спросишь невольно: „Да полно, да горе-ль,
И только ли горе одно,
Постигло страну? не опустится-ль вскорѣ
Поднятое бурею дно?
И развѣ не вспыхнетъ надежда во взорѣ,
И солнце не взглянетъ въ окно?

И развѣ не знали мы свѣтлой побѣды,
Когда мы свергали царя?
На старыхъ портретахъ не дрогнули дѣды,
За подвиги благодаря?
И только ли бѣды, суровыя бѣды
Сулитъ намъ на завтра заря?

При новыхъ постройкахъ опилки и мусоръ
Всегда неизбѣжны... Такъ что-жъ?
Найдется ли много глупцовъ или трусовъ,
Бросающихъ стройку? за грошъ
Ее продающихъ?—безъ стружекъ отъ бруса
Ты зданія не возведешь!

Минуютъ, пройдутъ времена самосуда,
Убійцъ обуздаетъ народъ.
Поля позлатѣютъ отъ хлѣбнаго гуда,
И пѣсню живой запоетъ.
Я вѣрю во Время, какъ въ лучшее чудо!
Я знаю, что Жизнь не умретъ!“

1917 г. Декабрь.
Петроградъ.

ПОЭЗА ПОСЛѢДНЕЙ НАДЕЖДЫ.

Не странны ли поэзовечера,
Безсмертнаго Искусства карнавалы,
Въ странѣ, гдѣ „завтра“ хуже, чѣмъ „вчера“,
Которой, можетъ быть, не быть пора,
Въ странѣ, гдѣ за обвалами—обвалы?..

Но не страннѣй ли этихъ вечеровъ.—
Идущіе на нихъ? да кто вы? дурни,
Въ разгаръ чумы кричащіе: „пировъ!“
Или, и впрямь, фанатики даровъ
Поэзіи, богини—всѣхъ лазурнѣй?!.

Поэтъ всегда поэтъ. Но вы то! вы!
Случайные иль чаящіе? кто вы?
Я только что вернулся изъ Москвы,
Гдѣ мнѣ рукоплескали люди-львы,
Кто за искусство жизнь отдать готовы!

Какой шампанскій, искристый экстазъ!
О, сколько въ лицахъ вдохновенной дрожи!
Вы, тысячи воспламененныхъ глазъ,
Благоговѣйныхъ, скорбныхъ! вѣрю въ васъ,
Глаза крылатой русской молодежи!

Я вѣрю въ васъ, а значитъ—и въ страну.
Да, вѣрю я—наперекоръ стихіи!—
Что валъ растетъ, вздымающій волну,
Которая всѣ, всѣ сольетъ въ одну,
А потому—я вѣрю въ жизнь Россіи!

1917 г. 12 дек.
Петроградъ.

ПОЭЗА СТРОГОЙ ТОЧНОСТИ.

Борису Вѣрину.

Искусство въ загонѣ,— сознаемся въ этомъ!
Искусство затмила война.
Что дѣлать въ разбойное время поэтамъ,
Поэтамъ, чья лира нѣжна?

Дни розни партiйной для насъ безотрадны,—
Дни мелкихъ, ничтожныхъ страстей...
Мы такъ неумѣстны, мы такъ невпопадны
Среди озвѣрѣлыхъ людей.

Мы такъ равнодушны къ ихъ жалкимъ раздорамъ
И къ ихъ интересамъ мертвы.
Мы тянемся къ рѣкамъ и къ вольнымъ просторамъ
И въ шолковый шопотъ травы.

Мы искренне славимъ паденье престоловъ
Во имя свободы людской!
Но если и послѣ царей вы въ тяжелыхъ
Раздорахъ,—мы машемъ рукой!

Союзникъ царизма для насъ не союзникъ,
Какъ недругъ царизма—не врагъ.
Свободный художникъ зачахнетъ, какъ узникъ,
Попавъ въ политическій мракъ.

Намъ пакостны ваши враждебные будни,—
Мы вѣчнымъ искусствомъ горимъ.
Вы заняты „дѣломъ", а мы—только „трутни",
Но званьемъ гордимся своимъ!

Отправьте-жъ искусство куда-нибудь къ миѳу:
Трещитъ отъ него материкъ!..
И кланяйтесь въ поясъ Голодному Тифу,—
Диктатору вашихъ интригъ!

13 іюня 1917 г.
Мыза „Ивановка".

ПОЭЗА БѢЛОЙ СИРЕНИ.

Бѣлой ночью въ бѣлыя сирени,
Призракомъ возникшія, приди!
И цѣлуй, и нѣжь, и на груди
Дай упиться сонмомъ упоеній,
И цѣлуй, и нѣжь, и утруди...

Бѣлой ночью бѣлые привѣты,
Ласкъ больныхъ, весеннихъ полусны,
И любовь, и вѣянье весны,
Полутемени и полусвѣты...
И любовь, и чувства такъ лѣсны!..

Эта ночь совсѣмъ, совсѣмъ живая!
Въ эту ночь приди ко мнѣ, приди!
И судьбу свою опереди!
А сирень цвѣтетъ, слегка кивая!
А любовь растетъ, легка, въ груди!

Іюнь. 1917 г.
Гатчина.

ПОЭЗА КОРОЛЕВѢ.

Моя-ль душа,—душа не короля?
Въ ней въ бурю,—колыханья корабля.
Когда же въ ней лазоріе и штиль,
Моихъ стиховъ классично—ясенъ стиль.

Тенденціозной узкости идей,
Столь свойственныхъ натурѣ всѣхъ людей,
Не признаю, надменно ихъ презрѣвъ,
Въ поэзіи своей ни правъ, ни лѣвъ...

Одно есть убѣжденье у меня:
Не вѣдать убѣжденій. Не кляня,
Благославлять убожество—затѣмъ,
Дабы изъять его навѣкъ изъ темъ...

Я не люблю людей, но я имъ радъ,
Когда они мнѣ рады—вотъ мой взглядъ.
Не вѣрю имъ и гордо, свысока,
Смотрю на нихъ, къ тому жъ издалека.

Вступать въ ряды людей—не мой удѣлъ,
Но вотъ я строй омаршить захотѣлъ,
И я пою, движеніе любя;
Они идутъ, чѣмъ тѣшу я себя.

А стоитъ мнѣ сильнѣе захотѣть,—
И будутъ люди вѣчно жить и пѣть,
Забывъ про смерть, страданія и боль:
Вѣдь я поэтъ—всѣхъ королей король!

Май 1915 г.
Эст.—Тойла.

СТИХИ ВЪ НЕНАСТНЫЙ ДЕНЬ.

Въ ненастный день взойдетъ,
какъ солнце,
Моя вселенская душа!
(Заключительныя строки
„Громокипящаго кубка").

I.

Вѣрѣ Жуковской.

Я живъ, и жить хочу, и буду
Жить—безконечный—безъ конца.
Не подходите, точно къ чуду,
Къ чертамъ безсмертнаго лица:

Жизнь—въ нашей власти: мы дотолѣ
Трепещемъ, бьемся и живемъ,
Пока въ насъ много ярой воли
Къ тому, что жизнью мы зовемъ.

Смерть торжествуетъ въ тѣ мгновенья,
Когда повѣрилъ ты въ нее,
И нѣтъ въ тебѣ сопротивленья:
Смерть—малодушіе твое...

Я не могу себѣ представить—
Всѣмъ ощущеньемъ, всей душой!—
Какъ можно этотъ міръ оставить,—
Молчать, истлѣть, не быть собой.

Я превозмогъ порывы гнѣва:
Убивъ другого—я убитъ...

А потому—любимецъ неба—
Прощу—чтобъ жить!—всю боль обидъ.

Я смѣлъ и прямъ, и простъ, и свѣтелъ
И смерти явно я бѣгу.
Я всѣхъ простилъ, я все привѣтилъ,
А большаго я не могу!..

Что значить жить? для васъ,—не знаю...
Жить для меня—вдыхать сирень,
Въ крещенскій снѣгъ стремиться къ маю,
Благословляя новый день!

Искать Ее, не уставая,
И пѣть, и мыслить, и дышать.
Какія нови въ чарахъ мая!
Какая въ новяхъ благодать!

И сколько новей въ чарахъ мая,
Вѣдь столько-жъ пѣсенъ впереди.
Живи, живое восторгая!
Отъ смерти мертвое буди!

Но если ты, въ чьихъ мысляхъ узость,
Мнѣ скажешь: „трусъ“,—услышишь ты:
—Да здравствуетъ святая трусость
Во имя жизни и мечты!

1914 Октябрь.

ВСЕ—ЗА НОВЬ!

Дождь за дождемъ, за бурей буря,
За пѣснью пѣснь, за болью боль.
Чело то хмуря, то лазуря,
Живутъ и нищій, и король.

О, всколыхните безмятежность,
Благополучье раздробя!
Прекраснѣй послѣ гнѣва нѣжность,
Какъ, послѣ муки, вы—себя!

Свершайте явныя ошибки,
Крушите счастье и любовь,
Чтобъ только не было на Шипкѣ
Душъ вашихъ тихо. Все—за новь!

Да, все за новь! за блескъ! за звонкость!
За обіенность и за шагъ!
Я славлю мудрую ребенкость
И молодеческій кулакъ.

Живи, воистину живое,
Не уставая звать меня!
Пылай восторгомъ, ретивое:
Вѣдь даже въ счастьѣ скорбенъ я!

1915 г. іюнь.
Эст.—Тойла.

ПОРА КОНЧАТЬ.

Пора кончать! Пожалуй, слишкомъ
Вы далеко уже зашли.
И алымъ предались излишкамъ
Для удобренія земли...

Пора кончать! вѣдь кромѣ смерти
Жизнь существуетъ на землѣ.
Въ аду ублажены всѣ черти,
Глумясь на вашихъ тѣлъ золѣ...

Пора кончать! воздвигни знамя!
„Любовь и Жизнь“—зажги на немъ!
Пора кончать,—иль кончитъ съ вами
Готовый грянуть Божій громъ!

Пора кончать! остановитесь!
Довольно Бога искушать.
Вотъ сходитъ съ неба бѣлый витязь
И молитъ васъ: „пора кончать“!

Ноябрь 1916 г.
Гатчина.

БАЛЛАДА.

Должна быть кончена война,
При томъ: во что бы то ни стало.
Измучилась моя страна,
Нечеловѣчески устала.
Есть примѣненье для металла
Гораздо лучше, чѣмъ твой братъ.
Да свергнутъ Ужасъ съ пьедестала
Министръ, рабочiй и солдатъ!

Должна быть вамъ троимъ видна
(Иль вамъ трехъ лѣтъ кровавыхъ мало?..)
Смерть, что распутна и жадна,
Зѣвъ гаубицы, сталь кинжала.
Изъ пасти смерти вырвавъ жало,
Живи, живой, живому радъ!
Не я,—вамъ это жизнь сказала,
Министръ, рабочiй и солдатъ!

Все, все въ крови: вода, луна,
Трава, лампасы генерала.
Въ крови зеленая весна,
Смѣнила кровь вино бокала.
Кровь все покрыла, захлестала,
Для крови нѣтъ уже преградъ!
У васъ глаза сверкаютъ ало,
Министръ, рабочій и солдатъ!

Взгляните на себя сначала:
Не вами ль созданъ этотъ адъ?
Долой войну! долой Ваала!
Министръ, рабочій и солдатъ!

Апрѣль 1917.
Гатчина.

ПОЭМА ЖИЗНИ.

(Отрывокъ 28-й).

Петру Ларіонову.

Я испыталъ всѣ испытанья.
Я всѣ познанія позналъ.
Я изжелалъ свои желанья.
Я молодость отмолодалъ.

Давно всѣ найдены, и снова
Потеряны мои пути...
Одна отнынѣ есть основа:
Простить и умолять: „прости".

Жизнь и отрадна, и страданна
И всю ее принять сумѣй.
Мечта свята. Мысль окаянна.
Безъ мысли жизнь всегда живѣй.

Не разрѣшай промблеммъ вселенной,
Не зная существа промблеммъ.
Впивай душою вдохновенной
Святую музыку поэмъ.

Внемли страстямъ! природѣ! винамъ!
Устраивай бездумный пиръ!
И славь на языкѣ орлиномъ
Тебѣ—на время данный!—міръ!

6 февр. 1918 г.
Эстляндія. Іеве. Тойла.

ОЧАМЪ ТВОЕЙ ДУШИ.

Очамъ твоей души—молитвы и печали,
Моя болѣзнь, мой страхъ, плачь совѣсти моей...
И все, что здѣсь въ концѣ, и все, что здѣсь вначалѣ,—
Очамъ души твоей!

Очамъ души твоей—сиренью упоенье
И литургія—гимнъ жасминовымъ ночамъ...
Все-все, что дорого, что будитъ вдохновенье,—
Души твоей очамъ!

Твоей души очамъ—видѣній страшныхъ клиры...
Казни меня! пытай! замучай! задуши!
Но ты должна принять!.. И плачъ, и хохотъ лиры—
Очамъ твоей души!

ИГОРЬ СѢВЕРЯНИНЪ.

Левъ Никулинъ.

БУЛОНСКІЙ ЛѢСЪ.

Уже подъ наклоненной аркой
Не проѣзжаетъ конный стражъ,
И не мелькаетъ лентой яркой
За экипажемъ экипажъ.

Уже моторъ крутой и синій
Не мчитъ аллеями въ лѣсу
Гетеру съ профилемъ богини,
Перо и бѣлую лису...

О, это прошлое модели,
Какъ чужды вѣтренной душѣ
Ея магараджа изъ Дели
Или военный аташе...

А поутру, въ разсвѣтныхъ росахъ,
Уже не будитъ птичій свистъ
Философа тяжелый посохъ
Или поэта тонкій хлыстъ.

Когда же вечеръ былъ сиреневъ,
Скрывая боль любовныхъ ранъ,
Здѣсь, можетъ быть, мечталъ Тургеневъ
Или блестящій Мопасанъ...

И на зарѣ, какъ отблескъ лунный,
Опять пройдутъ у той межи
Республиканскіе драгуны
И королевскіе пажи.

А тамъ у просѣки, гдѣ пушки,
Гдѣ путь намѣченъ для гранатъ,
Шумитъ листва, и на опушкѣ
Листы медлительно звенятъ:

„Мы въ эту осень заалѣемъ
Въ послѣдній разъ подъ топоромъ.
Отдайте честь моимъ аллеямъ
Палитрой, шпагой и перомъ...“

1914 г.

ПАВЕЛЪ I.

Отрывокъ изъ поэмы.

Уже просвѣчивалъ въ узорѣ
Чугунный барельефъ оградъ,
Уже алѣли въ небѣ зори
И обагряли Петроградъ.

И возвращаясь на разсвѣтѣ,
Мечтать и вѣрить не уставъ,
Я видѣлъ переломъ столѣтій
И аллебарды у заставъ.

Какія тѣни въ окнахъ синихъ,
Когда лампада догоритъ—
Жестокій Биронъ, или Минихъ
Превознесенный фаворитъ...

Въ карріатидахъ Эрмитажа
Одна и та же рабья злость...
И кто то въ шляпѣ и плюмажѣ
Идетъ перегибая трость.

Тревожимъ затаенной местью,
Онъ смотритъ каждому въ упоръ,
Сегодня звѣзды и помѣстья,
А завтра—плаха и топоръ...

И, можетъ быть, предатель-Паленъ,
Идетъ аллеей трепеща,
У леденѣщихъ проталинъ
Взметая складками плаща...

Полу-холопъ, полу-диктаторъ,
Что ждетъ васъ... Ссылка и арестъ,
Или усопшій императоръ
Тревожитъ вашъ могильный крестъ?...

Петръ Ларіоновъ.

ВЕСЕННІЙ ВЕЧЕРЪ.

посв. Игорю Сѣверянину.

Весенній вечеръ догоралъ,
Пылая огненною далью.
А надъ рѣкой туманъ вставалъ,
И грохотъ города, съ печалью,
Ко сну на отдыхъ замиралъ.

Сгущались сумерки; вокругъ
Спускалась тишина нѣмая.
Лишь прожужжитъ внезапно жукъ,
Да съ рѣчки, воздухъ оглашая,
У птицы вырвется испугъ.

И снова тишина царитъ...
А ночь уже въ томленьи лунномъ,
Плывя, всѣхъ сказками даритъ.
Я забываю день свой трудный,
Душа съ природой говоритъ.

Май 1909 г.
Пудость.
Мыза „Ивановка"

ДУША ПОЭТА.

Пускай судьба томитъ жестоко,
Пускай не вижу алыхъ дней,
Но мысли вольныя высоко
Парятъ средь солнечный лучей.

А вы, тонувшіе во златѣ,
Вы безпокойны за нее:
Дрожите страхомъ, всѣ объяты,
Какъ не укралъ-бы кто ее!

ЖАЖДА ЖИЗНИ.

Отъ сердца шлю къ тебѣ привѣтъ,
Привѣтъ весны цвѣтущей;
Въ природѣ здѣсь тепло и свѣтъ
И шумъ вокругъ пѣвучій.

Здѣсь все ликуетъ и поетъ,—
И всѣмъ отрадно въ маѣ.
Но я угрюмъ, не достаетъ
Чего-то въ жизни—раѣ...

Ну, что мнѣ нужно, что прошу?
Имѣя даръ поэта,
Среди цвѣтовъ одинъ брожу,—
И жду отъ нихъ отвѣта.

Они, нарядные, молчатъ,—
Зато ихъ взоры—ласки
Меня дурманятъ, словно ядъ,
Въ дурманѣ—дѣвы, пляски...

И, какъ безумный, я стою...
Итти куда—не знаю?..
О Муза, Муза! пѣснь мою
Прими,—пойми—сгораю.

Я молодъ, есть вино, друзья,
Дворецъ,—казна богата...
Но все,—увы, не счастливъ я,—
Такъ что-жъ, скажи, мнѣ надо?

Май 1908 г.

ОТВѢТЪ.

Не упрекай меня за долгое молчанье,—
Отъ сердца я скажу: съ тобою мнѣ не жить.
Вѣдь жизнь моя бѣдна: заботы да страданье;
Заботою своей боюсь тебя сгубить.

И не пойму тебя. Ты нѣжна и прекрасна,
Не знавши нищеты, въ довольствѣ все жила.
И вдругъ, въ письмѣ ко мнѣ, съ любовью нервно-
страстной,
Ты пишешь: „безъ тебя мнѣ жизнь ужъ
не мила"...

Ну что нашла во мнѣ? что я поэтъ,—такъ что-ли?
На это я скажу: „поэтъ не семьянинъ,—
Что онъ рожденъ любить, но что разлюбитъ
вскорѣ,
И что среди людей онъ—человѣкъ одинъ".

Царское Село.
Мѣстный Воен. Госпиталь
Январь 1915 года.

Е. Панаіотти.

ПАЖЪ.

посв. Ѳ. Я. Долидзе.

Всю ночь стояла смерть у двери,
Какъ вѣрный стражъ.
И плакалъ, вѣря и не вѣря,
Ломая руки бѣдный пажъ.

Всю ночь молился въ ожиданьи
Въ углу, гдѣ свѣтятъ образа,
Пока, уставши отъ страданья
Закрылись влажные глаза;

Пока не сталъ онъ одинокимъ,
Онъ не взглянулъ на скорбный тронъ,
Откуда вѣяло далекимъ
И жуткимъ вздохомъ похоронъ.

И вотъ она сошла блѣднѣя,
Тяжелый шлейфъ рукой держа.
Мелькнули въ страхѣ передъ нею
Глаза печальные пажа.

И обезсилѣвъ прислонилась
Къ колоннамъ мраморнымъ дворца,
На плиты бѣлыя склонилась
Тѣнь помертвѣвшаго лица.

И долго послѣ онъ у двери
Бродилъ терзаемый тоской,
И плакалъ, вѣря и не вѣря,
Войти не смѣлъ въ ея покой.

Всю ночь ловилъ онъ стоны дальнiе,
А къ утру тихо стало вдругъ:
Зажгли лампады въ усыпальнѣ,
Покрыли крепомъ все вокругъ

И унесли ее, рыдая,
Изъ стѣнъ холоднаго дворца,
Прощальнымъ взглядомъ припадая
Къ чертамъ застывшаго лица.

И стало жутко сиротливо,
Лампады гаснули дрожа...
И только вѣтеръ пѣлъ тоскливо
О горѣ бѣднаго пажа.

Промчатся дни. И сны обманутъ.
Погаснетъ солнце на небесахъ.
Въ глуши лѣсной цвѣты увянутъ.
Душа и сердце любить устанутъ.
Глаза закроются въ слезахъ.
Промчатся дни. И ядъ сомнѣній
Отравитъ новыя мечты
Здѣсь, въ этомъ горькомъ мірѣ тлѣній,
Какъ вопль напрасныхъ сожалѣній,
Какъ холодъ мертвый дуновеній,
Сметётъ въ неясный день осенній
Позолоченные листы.
И воцарится мракъ бездонный
На днѣ измученной души...
Гдѣ пронесутся только стоны,
Какъ пѣсенъ позднихъ перезвоны,
Какъ звукъ печальный, похоронный
Въ нѣмой и мертвенной тиши.
Промчатся дни. И сны обманутъ.
Померкнутъ звѣзды на небесахъ...
Въ глуши лѣсной цвѣты увянутъ
Душа и сердце рыдать устанутъ.
Мольба затихнетъ на устахъ.

КАМЕЯ.

Игорю—Сѣверянину.

Съ лицомъ загадочнымъ камеи,
Съ прорѣзомъ длинныхъ, скорбныхъ глазъ,
Съ косами темными, какъ змѣи,
Ее онъ видѣлъ только разъ.
И озарилось сердце ласкою,
Вливая въ душу сладкій ядъ,
Когда подъ черной полумаскою
Къ нему приникъ бездонный взглядъ
И пилъ онъ, пилъ вино искристое,
Пьянѣлъ отъ грезъ издалека...
Держала ткани золотистыя,
Какъ стебель тонкая рука...
Онъ не узналъ ея улыбки,
Лишь скорбь была въ ея лицѣ.
Кольцо сжимало пальцы гибкіе,
И черный камень былъ въ кольцѣ..
Она прошла нѣмой и гордою,
Въ лучистомъ, огненномъ снопѣ.
И шелъ онъ поступью нетвердою
Напрасно ждать ее въ толпѣ...
Съ лицомъ загадочнымъ камеи,
Съ прорѣзомъ узкихъ, длинныхъ гдазъ
Съ косами темными, какъ змѣи,
Ее онъ видѣлъ—только разъ.

М. Кларкъ.

ТРУБАДУРЪ.

Посв. Ѳ. Я. Долидзе.

Отуманенный мечтой неясной лунной,
Гдѣ звенятъ весенніе напѣвы,
Тосковалъ задумчивый и юный
Трубадуръ влюбленный въ королеву
Каждый вечеръ приходилъ онъ въ замокъ...
Въ отблескахъ сгорающаго свѣта
Въ честь прекрасной недоступной дамы
Онъ слагалъ изящные сонеты.
И лилась мелодія хрустальная
И тоской звенѣла безнадежной...
Лютня пѣла страстно и печально
О любви невысказанной нѣжной.
Каждый разъ встрѣчалъ онъ взглядъ лучистый—
Снова въ сердцѣ алая заря...
И любовь его была такою чистой,
Какъ молитвы вздохъ у алтаря.
Нѣтъ въ душѣ ни ревности, ни гнѣва;
О любви пусть онъ не скажетъ слова,
Пусть его не любитъ королева,
Но она не любитъ и другого.

. . . .

Онъ не ждалъ ни ласкъ, ни поцѣлуя,
И молчаніе свое не смѣлъ нарушить,

Каждый вечеръ сладостно тоскуя,
Только въ пѣсняхъ открывалъ онъ душу.
. . . .
Но однажды былъ объявленъ праздникъ:
Королевы юной обрученье.
Этотъ день былъ днемъ нежданной казни,
Для него—день муки и томленья.
Въ старомъ замкѣ гдѣ, царила радость,
Гдѣ встрѣчались всѣ улыбкою привѣта,
Въ этотъ день не зналъ покоя сладость,
Трубадуръ любившій безъ отвѣта.
Онъ кольцо увидѣлъ обручальное,
И тоскуя плакалъ онъ въ тиши.
Пѣла лютня пѣсню погребальную
Для его непонятой души.
Съ мертвымъ сердцемъ замокъ онъ покинулъ,
И замкнутый въ мукѣ молчаливой,
Только взглядъ послѣдній долгій кинулъ
Королевѣ гордой и счастливой.
. . . .
Въ старомъ замкѣ весело и шумно...
Смѣхъ гостей веселый раздавался...
И не знали что, въ тоскѣ бездушной
Чей то сонъ неясный оборвался.
Тамъ во мракѣ безнадежно чрномъ
Слушалъ чистые нездѣшніе напѣвы...
Умиралъ такъ тихо и покорно
Трубадуръ, влюбленный въ королеву.

Умретъ блѣднѣющее плямя.
Погасла яркая звѣзда.
Во тьмѣ утонутъ дни за днями...
Ты не вернешься никогда.
Въ душѣ твое сотрется имя—
Но узелъ встрѣчи не порвать.
Глазами скорбными своими
Ты выжегъ вѣчную печать.
Пусть голосъ твой умретъ безслѣдно—
Въ лицо тебѣ не брошу ложь..
Но знаю—изъ тумана блѣднаго
Послѣднiй разъ ты позовешь:
И на дорогѣ освѣтленно́й,
Въ нѣмой покорности конца,
Я забывала отдаленныя
Черты любимаго лица.
Мнѣ вспыхнетъ яркими лучами
Другая свѣтлая звѣзда....
Прощай... Спустилась ночь надъ нами.....
Ты не вернешься. Никогда.

Кириллъ Халафовъ.

ПОЭЗА О СИНЕЙ ПТИЦѢ.

Вѣрѣ Платоновой.

Въ душѣ моей—Синяя Птица,
Лазурно—экстазное солнце.
Она ослѣпительнѣй солнца,
Души моей Синяя Птица.

Ахъ, люди—бездарно-слѣпые,
Ея не увидятъ вовѣки;
Пусть блескъ ея сжегъ бы имъ вѣки—
Ея не увидятъ слѣпые...

Они мнѣ противны и жалки,
Безцвѣтью своей мнѣ тошнотны;
Они—всѣ рабы; я—свободный.
Конечно, они будутъ жалки.

И если терплю я ихъ гордо,—
Презрительный, замкнутый, гордый—
То лишь потому, что боится
Безсмысленныхъ глазъ Синептица.

Но если любовь, май и ночи—
Открою души моей клѣтку,
И блескъ нестерпимый изъ клѣтки
Ослѣпитъ любимыя очи.

И станетъ дѣйствительность грёзой:
Прозрѣетъ душа ея сразу,
И станетъ такъ видно тó сразу,
О чемъ были жадныя грёзы.

И милую эту слѣпую
Прощающе я поцѣлую,—
И выпорхнетъ Синяя Птица,
И пѣть будетъ Синяя Птица
О лишней свободной душѣ.

ВЪ СКОРОМЪ ВРЕМЕНИ
ВЫЙДУТЪ СЛѢДУЮЩІЯ

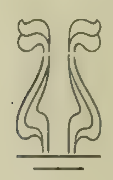
КНИГИ:

КУПРИНА А. И.

ЧИРИКОВА Е. Н.

БАЛЬМОНТА К. Д.

КОГАНЪ П. С.

ИЗДАТЕЛЬСТВО
„ПРОСВѢЩЕНІЕ НАРОДА“.
МОСКВА, ТВЕРСКАЯ, 29, КВ. 20.
ТЕЛЕФ. 4-26-52.

Gaylord
GAYLAMOUNT®
PAMPHLET BINDER
Syracuse, N.Y.
Stockton, Calif.